

Глава 24

Ин Чжэн не сводил с Цинь Цзычу глаз — и чем пристальнее смотрел, тем светлее становилось у того на душе.

Он тихонько водил ладонью по мягким пушистым волоскам на макушке младенца.

— Хороший мой. Вот вернёмся домой — папа найдёт тебе целый выводок кормилиц. Обещаю: сплошь свежие, нежные, что персиковый цвет. Из одной пьёшь — другую выплёскиваешь. Чужие объедки — не наш удел.

Голос был ласковый, но в нём сквозило нескрываемое отвращение.

Лао Ай был ему неприятен. Не потому, что тому предстояло стать любовником Чжао Цзи, — нет, дело в другом: молодой, здоровый, полный сил мужчина жил не своим трудом, а добывал пропитание постелью, обходя деревенских вдов. Пустое прожигание жизни.

Мужчина должен держать небо на плечах. Какой же это мужчина?

И главное — сколько же времени он его продержал под собой, так и не поняв, что перед ним мужчина!

(ㄅㄣˋ)ㄅㄣˋ ㄅㄣˋ Бессовестный, самовлюблённый болван!

Будучи одного с ним пола, Цинь Цзычу не находил в нём ни единого достоинства.

Впрочем, и особо опасаться его не стоило. По сравнению с Люй Бувэем Лао Ай был куда проще — достаточно время от времени подыгрывать, и этого хватит, чтобы продержаться до тех пор, пока Чжан Ли их не отыщет.

Ин Чжэн был новорождённым — и притом родным сыном тела, которое занял Цинь Цзычу, — поэтому никакой настороженности тот по отношению к нему не испытывал. Всё, что отражалось на его лице, читалось отчётливо и без прикрас в устремлённом снизу взгляде младенца.

Ин Чжэн был удивлён.

Когда его забирали к Чжао Цзи в Цинь, ему было за девять — достаточно, чтобы помнить всё ясно. Годы не щадили никого. Чжао Цзи вернулась потрепанной жизнью: свежей её уже не назвали бы. Ин Жэнь к тому времени давно охладел к ним обоим.

Впрочем, Ин Жэнь и был-то человеком без дарований и без воли. Все государственные дела он отдал на откуп Люй Бувэю, а тот ведь лично свёл его с Чжао Цзи — поэтому Ин Жэнь хотя бы внешне держался уважительно и обращался с ними сносно. Иначе второй его сын, Ин Чэнцзяо — рождённый от любимой наложницы в год возвращения отца, — давно занял бы его место.

Ин Жэнь никогда по-настоящему его не любил. Это Ин Чжэн знал твёрдо.

Так почему же сейчас, в новой жизни, Ин Жэнь держится иначе — тепло, внимательно, с подлинной заботой?

Это ни в какие ворота не лезло.

И ещё — тот взгляд, промелькнувший недавно: живой, личный, пронизанный настоящими чувствами, пусть даже и отвращением. Ин Жэнь прошлой жизни на такое был попросту неспособен.

Кто же этот человек на самом деле?

Неужели — тот самый слабовольный, бесхребетный отец из прошлого?

Ин Чжэн молча откладывал расхождения одно за другим.

Цинь Цзычу тем временем мягко накрыл ладонью его глаза.

— Поел — и спи. Раста большим и сильным, чтобы потом меня защищать.

Ин Чжэн на миг замер — а потом, вопреки всему, потянул губы в улыбку.

Занятно.

Ин Жэнь, которого он знал, никогда не думал ни о ком, кроме себя. Тревожиться о том, кто защитит близких, — для него это было из области невозможного. Этот человек — не тот Ин Жэнь.

— Смотри-ка, твой сынок улыбаться умеет! — раздался развязный голос у Цинь Цзычу за спиной — как раз в тот момент, когда он собирался восхититься про себя, что боги, пусть даже только что рождённые, — всё равно самые чарующие существа на свете.

Он обернулся с лёгкой досадой на лице и уставился на Лао Ая — голого как день.

И тут же понял, что вынужден задирать голову — смотреть снизу вверх.

Странно: когда Лао Ай одетый вёл его по деревне в поисках кормилицы, он не казался таким огромным. И таким... давящим.

Лао Ай не имел привычки спрашивать разрешения. Завидев, что Цинь Цзычу повернулся, он немедленно потянулся рукой — потрогать пухлую щёчку младенца.

Цинь Цзычу легко отступил в сторону, пропуская руку мимо, и поднял свёрток повыше, укрыв лицо — оставил лишь нос и рот для дыхания.

Незачем его богу видеть это грязное, пропитанное чужими делами зрелище. Глаза дороже.

— Не трогай моего сына, — произнёс он ровно, с таким холодом во взгляде, что слова были почти лишними.

Лао Ай хотел понравиться — молодой мужчина, красивая женщина, всё как обычно. Но такого отпора он не ожидал.

За эти годы жизни за чужой счёт он не особо разбирался: брал, что давали. Деревенские вдовы, которых не взяли замуж повторно, успели огрубеть от поля и ветра, давно растеряв всё женское. А тут вечером, у ворот деревни — молодая, в богатом одеянии, с младенцем на руках. Лао Ай мгновенно учуял добычу. Подошёл, предложил помощь, выслушал историю о потерявшихся в дороге родственниках.

Знатные дамы кормить сами не станут — фигуру берегут. В этом он нисколько не сомневался. Улыбка, мелькнувшая на губах розовой красавицы, когда он предложил помощь, — точь-в-точь цветок, раскрывшийся поутру. Давно такой не видел.

Без лишних раздумий Лао Ай завёл их обоих к себе.

А Цинь Цзычу — даже в женском платье — ни разу не подумал, что одинокой женщине стоит держаться осторожнее с незнакомцами. Вот и пришёл. Вот и оказался в такой переделке.

Теперь, увидев откровенное отстранение на его лице, Лао Ай вспыхнул. Рука дёрнулась вперёд.

Но взгляд — холодный, ровный, без единой трещины — остановил его. Рука так и зависла в воздухе.

Молчание затянулось. Наконец Цинь Цзычу сказал:

— Намахался? Зачем пришёл? Отдыхать не собираешься?

Лао Ай смущённо опустил руку и принялся тереть ею о рубаху.

Вопрос прозвучал слишком безыскусно — почти безучастно. Именно поэтому Лао Ай вдруг не смог сказать то, что вертелось на языке: *двух было мало, хочу тебя*. Не смог. Слишком чисто смотрел этот человек.

Лао Ай взмок от растерянности — и в этой растерянности ухитрился решить, что Цинь Цзычу справляется о его здоровье. Ни одна из женщин никогда не спрашивала, устал ли он, нужен ли ему отдых. Наоборот — тянули обратно, не отпускали. А тут — вот так. Тепло и непонятно.

Постояв, Лао Ай вдруг резко обернулся, смёл смятое грязное покрывало на пол, вытащил из сундука чистое, расстелил — и вернулся. Схватил Цинь Цзычу за руку и потащил к постели.

— Ложись давай. Места мало — хочешь спи, не хочешь — твоё дело! — рявкнул он, заливаясь краской, под пристальным недоверчивым взглядом Цинь Цзычу.

Цинь Цзычу запнулся. Посмотрел на него — на этот нахохлившийся, неловкий вид — и засмеялся.

Звук был лёгким и чистым. В уголках губ мелькнули ямочки.

Лао Ай застыл с открытым ртом. Уши полыхнули.

— Ч-чего смеёшься! — заорал он, прикрываясь грубостью. — Спать! А то самого уложу!

Цинь Цзычу косился на него с той же насмешкой в глазах, но тут же вспомнил — шуметь нельзя, ребёнок. Бережно провёл ладонью по спинке Ин Чжэна.

Странно — в тот самый момент, когда он засмеялся, тельце в руках, кажется, напряглось. Наверное, показалось. Но на всякий случай Цинь Цзычу прижал его чуть крепче.

— Хороший мой, не бойся. Скоро домой поедem, — прошептал он, целуя мягкую щёчку, и встретил взгляд — тёмный, с двойным зрачком, неожиданно серьёзный.

В этих глазах — если не смеяться над собой — читалось что-то похожее на тревогу.

Цинь Цзычу улыбнулся — чуть растерянно.

Совсем я устал, раз мерещится такое.

— Не беспокойся, — тихо сказал он — то ли ребёнку, то ли себе. — Мы вернёмся. Обязательно.

Ин Чжэн наблюдал.

Слишком мягкий. Слишком добросердечный. В нём не было той беспощадной хватки, что отличает настоящего правителя. Даже царицы, закалённые в горниле Сражающихся царств, умели держаться жёстче.

Лао Ай сейчас — просто деревенский прощелыга, без власти и без связей. Окажись Ин Чжэн на его месте, он бы не стал тратить слова. Вынул меч — и всё. Зачем эта игра в прятки?

— А-Чжэн, что не спишь? Хочешь, спую?

Голос у Цинь Цзычу был лёгкий и усталый одновременно. Человек, проходивший лесом целый день, из последних сил уговаривающий младенца.

И при этом — не ушёл. Не бросил. Не сбежал один в Цинь.

Эта мысль упала в сознание Ин Чжэна неожиданно — и не ушла.

Он потянулся и сжал пальцы, которые Цинь Цзычу уже убирал.

Если Ин Жэнь не предал его сегодня — он тоже не предаст.

— Вот умница, уже хватается! — В голосе Цинь Цзычу смешались удивление и гордость. — Рановато, разве нет? Мой сын особенный!

Он не стал освобождать руку. Повернулся неудобно, застыл в скрученной позе — и вскоре взгляд его начал расплываться.

Совсем скоро Цинь Цзычу уснул — прямо так, полусидя, в нелепой, неудобной позе. Ин Чжэн оказался у него в кольце рук — укрытый, защищённый.

Лао Ай, лежавший рядом, медленно приподнялся. Долго смотрел на «розовую красавицу» — на эту странную, непохожую ни на кого фигуру. Потом склонился и прижался губами к щеке.

Зрачки Ин Чжэна сузились.

Царство Чжао будет уничтожено первым.

<http://bllate.org/book/18277/1750290>